

Кириченко Юлия Сергеевна

студентка

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

г. Белгород, Белгородская область

ОБРАЗ СОЛНЦА В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А.С. ПУШКИНА

***Аннотация:** статья посвящена исследованию поэтического осмысления образа солнца в творческом наследии А.С. Пушкина, систематизации полученных данных и выявлению наиболее частотных семантических вариаций.*

***Ключевые слова:** образ солнца, романтизм, смысловые вариации.*

Творчество Пушкина привычно связывается в сознании читателя со светом и позитивным взглядом на жизнь. Однако в своей статье «Светлая печаль» С. Франк, говоря о традиции считать Пушкина поэтом «жизнерадостности» и «противопоставлять дух его поэзии мотиву трагизма, господствующему во всей остальной великой русской литературе XIX века» [4, с. 466], обращает внимание «на один доминирующий мотив духовного мира Пушкина, обычно менее всего замечаемый и даже прямо отрицаемый, утверждая, «что чувство трагизма жизни есть, по меньшей мере, один из главных, доминирующих мотивов его поэзии». Вероятно, с этим связано и то, что образ солнца, с которым традиционно соотносится сам поэт, появляется значительно реже, чем принято считать. Мир оказывается настолько всеобъемлющ и не раздроблен, что может быть осознан даже при тусклом свете. Поэтому солнечное освещение становится ненужным в изображении единого космоса. Лирика Пушкина, задрапированная «темнотой и метафорами ограниченности свободы» [3], оказывается сотканной в большей степени из образов луны и звезд, формирующих ночной пейзаж.

Но все же лунный мир лирики Пушкина, несущий, как правило, раздвоение, холод, пустоту, сопоставляется с солярным миром, включающим поиск синтеза, огонь, луч, тепло, жизнь, озарение, полноту мира.

Пушкинское солнце – воплощение величавости, «великости», совершенности, абсолютной духовности, божественной сверхмудрости, бессменное, бессмертное и вечное могущественное светило («Движение»), своим появлением несущее радость («Аквилон») и пробуждающее жизнь вокруг, воспитывающее стремление к истине, выводящее из мрака. Этими мотивами обусловлено символическое оформление образа солнца в стихотворении «Вакхическая песня», которое выступает, как тонко заметил М.О. Гершензон, в качестве «гимна вдохновенному разуму, уму-солнцу, которому ясно противопоставляется «ложная мудрость» холодного, расчетливого ума» [2, с. 231].

Монументальность, весомость, значимость образа рассматривается с аксиологической точки зрения, связываясь с понятиями семьи, выступающей в сознании лирического героя в качестве высшей ценности, неизменно побеждающей «звезду стыдливую любви» (вероятно, имеется в виду незаконная любовь; «К родзянке»). Но возникает противоречие: солнце может символизировать пусть незаконную, но истинную любовь, которая оказывается сильнее любви «законной», но не приносящей счастья («Песни западных славян»).

С этой точки зрения солнце выступает как показатель надежности, благополучия. Оно может исчезать, убедившись в бестревожности происходящего («Медок»), или продолжает озарять счастьем пространство вокруг («Арион»).

Соотнося ценность солнца с ценностью отдельного человека, поэт учитывает конкретную личность и отношение к ней окружающих: это или восторг, восхищение, преклонение («Из barry cornwall») или призыв померкнуть, остановиться, прекратить свою разрушительную деятельность («Наполеон»).

Образ может двоиться, и тогда в поэтической системе возникает две равноправные «солнечные» ипостаси: одна огненная, ослепляющая, прекрасная в своем могуществе («Кольна»), другая – утонченная и нежная, благосклонно посылающая всему живому свои легкие лучи, румянящие небеса («Цель нашей жизни»). Это и есть то самое «зарей выводимое солнце: высокое, яркое, ясное», как... «лампадный хрусталь» [1, с. 483], о котором писал А. Белый.

Солнце становится источником очищения духа, прозрения и путем к совершенной жизни, а приблизиться к нему означает прикоснуться к божественному, вечному, неземному, стать превыше других смертных, обрести не столько громкую славу, сколько духовное бессмертие («Городок»). Если такой замысел осуществляется, то лирический герой словно оживает – им разгадан непостижимый замысел мироздания, поэтому солнце ассоциируется с «даром живого духа». Но если в языческой символике солнце и есть верховное божество, то в христианской – показатель могущества и силы Бога, который единственный может совладать с им же зажженным солнцем («Подражание Корану»).

Солнце Пушкина бывает разным в различные фазы годового цикла. Так, осеннее солнце утрачивает былую мощь, угасает, и если совершает привычные действия, то уже явно против своей воли («Осень», «Из Вольтера»). Такое исчезновение солнца или его преображение связано не только со сменой времен года: уход – это еще протест, предчувствие беды, жизненного ненастья («Приметы»), это символ тех надежд на светлое будущее, которым еще не суждено исполниться («К Овидию»).

Солнце – это болезненный отблеск трагических намерений, которые таятся в душе лирического героя («И вот ущелье мрачных скал...»), живое существо, тонко чувствующее человека и способное испытывать те же чувства («Зимнее утро»). Этот образ часто освещает обстановку, ситуацию, героев и их мысли с неожиданной стороны.

Так, пушкинское солнце выделяется из природы, переходя в духовное пространство и оказываясь причастным к культурным и эстетическим идеалам.

Список литературы

1. Белый А. Из книги «Поэзия слова»: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: антология. – М.: Академический проект, 2001.
2. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990.

3. Мурзак И.И. Динамика сюжетов в русской литературе XIX века / И.И. Мурзак, А.Л. Ястребов. – М., 1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/biblio/research/dinam0/>

4. Франк С.Л. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990.